
Научная жизнь

**ИССЛЕДОВАНИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТВОРЧЕСТВА:
ДВА ОБЛИКА МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОСТИ
(РАЗМЫШЛЕНИЯ ПО ИТОГАМ
МЕЖДУНАРОДНОГО КОНГРЕССА ПО
КРЕАТИВНОСТИ И ПСИХОЛОГИИ ИСКУССТВА,
ПЕРМЬ, 2005, ИЮНЬ)**

В.М. ПЕТРОВ

Вот уже более двух десятилетий в науках о человеке (прежде всего в социологии, затем в психологии, а теперь уже и в культурологии — и «далее везде») идут напряженные споры между сторонниками традиционно гуманитарных подходов и подходов междисциплинарных, ориентированных на естественнонаучное знание. Эти споры иногда принимают форму так называемых ку-ку-дискуссий (противопоставление количественного и качественного аспектов: *quantitative vs. qualitative*), и в них проявляется гораздо более широкое противоречие — противостояние «двух культур» (см.: Сноу, 1973): естественнонаучной и гуманитарной. Это противостояние пронизывает все сферы нашей жизни, равно как и научных исследований. А в последние десятилетия оно проникло и в такую, казалось бы, «альпийскую крепость» традиционного гуманитарного знания, как психология искусства.

Целый спектр попыток «поверить алгеброй гармонию» (равно как и приложить к изучению «гармонии» самые разные естественные науки) был достаточно четко представлен на состоявшемся в июне 2005 г. Международном конгрессе по креативности и психологии искусства, который был организован Пермским государственным институтом искусства и культуры совместно с Международной ассоциацией эмпирической эстетики, Американской психологической ассоциацией, Институтом психологии РАН и рядом других организаций (президент конгресса — проф. Колин Мартиндейл, Университет штата Мэн, США). Конгрессу была оказана серьезная поддержка со стороны администрации Пермской области.

Пермь отнюдь не случайно стала местом проведения конгресса: как известно, здесь накоплен большой психологический потенциал; в частности,

известны достижения школы интегральной индивидуальности, прежде возглавлявшейся В.С. Мерлиным, а в настоящее время Б.А. Вяткиным. Получили известность и пермские работы в области психологии искусства, прежде всего достижения научного направления, главой которой является Л.Я. Дорфман. Наконец, у Пермского государственного института искусства и культуры имеется большой опыт участия в международных проектах по эмпирической эстетике, а также проведения международных конференций по этой тематике (за период с 1991 по 2002 г. было проведено четыре таких конференции, не считая обмена лекторами и аспирантами), издания международных сборников статей (в общей сложности — 9 выпусков, см., например: Dorfman et al., 1997; Малянов и др., 2002). В институте читали лекции (посвященные новейшим направлениям в изучении искусства) виднейшие представители мировой психологии, эстетики и культурологии.

К открытию конгресса был издан сборник материалов на русском и английском языках (см.: Малянов и др., 2005); одновременно были подготовлены два сборника статей на английском языке (Locher et al., 2005; Martindale et al., 2005), а в настоящее время готовится издание итогового сборника по материалам конгресса. Всего на конгресс поступили доклады из 26 стран; помимо пленарных заседаний по общим проблемам психологии искусства, состоялись заседания специальных симпозиумов «Креативность», «Художественные феномены с позиций эстетики, искусствознания, психологии», «Психология и музыка»,

«Визуальные искусства», «Психология и литература».

Конечно, проблемами междисциплинарных исследований вовсе не исчерпывалось содержание конгресса, и они не были главными в ходе развернувшихся дискуссий. Целый ряд работ был посвящен общим проблемам психологии творчества, т. е. гораздо более широкому кругу вопросов. Тем не менее именно в междисциплинарных проблемах была своеобразная «изюминка» данного конгресса, равно как и его значимость для будущих исследований как в области психологии искусства, так и гораздо шире — во всем комплексе наук о человеке.

Психология искусства долгое время если и не была периферийной ветвью науки о человеке, то уж во всяком случае не принадлежала к числу ее магистральных направлений. Сейчас, однако, внимание к этой ветви быстро возрастает, и она становится все более и более перспективной. Тут на ум приходит параллель с историей физики: еще менее столетия назад ядерная физика считалась «захолустной» областью физической науки, а уже к середине XX в. именно эта область превратилась в центральную, притом, пожалуй, для всего комплекса естественных наук. Одним из проявлений растущего интереса к психологии искусства стало основание в 1965 г. Международной ассоциации эмпирической эстетики, объединившей усилия исследователей, принадлежащих к различным наукам (прежде всего к психологии) и занимающихся изучением создания

и функционирования конкретных произведений искусства. С тех пор эта ассоциация стала центром — координатором работ по всем «нетрадиционным» исследованиям искусства.

Сегодняшний интерес к психологии искусства обусловлен по меньшей мере тремя причинами. Во-первых, явления, связанные с художественным творчеством и восприятием искусства, несомненно, относятся к числу *сложнейших*, в которых переплетается множество самых различных феноменов. А ведь давно уже ушли в прошлое представления о целесообразности начала исследования сложных явлений с простых (скажем, с психофизики). Сейчас все более зреет понимание того, что иногда в сложных явлениях, в переплетении различных феноменов (или в их «синергическом» взаимодействии) можно найти ключ к явлениям более простым. Во-вторых, художественные произведения, несомненно, представляют собой состоявшийся «инструмент воздействия» на духовный мир личности (а порой даже «инструмент манипулирования» личностью), и, зная «секреты» воздействия искусства, можно получить доступ к решению многих сугубо практических проблем в области психологии (в том числе социальной). Наконец, в-третьих, именно в изучении искусства можно прийти к *интеграции* самых далеких друг от друга областей знания — точного и гуманитарного. И тут отечественной наукой накоплен большой опыт, во многом обусловленный «синтетическим» характером русского менталитета, а во многом — конкретно-историческими условиями, в которых жила русская интеллигенция на про-

тяжении последних десятилетий (см., например: Грибков, 1999; Петров, 2001). А ведь многие направления современной методологии научного знания (например: Martindale, 1990) исходят из того, что принципиально новых достижений следует ждать как раз на «сочленении» элементов, принадлежащих далеким областям!

Какой же облик принимают междисциплинарные исследования в интересующей нас области? Естественно, таких *обликов* может быть *два*. Один — с *ориентацией на традиционные гуманитарные исследования*, когда междисциплинарность заключается в использовании инструментария других наук (например, соответствующих методов математической статистики для проверки неких содержательных, сугубо традиционных гипотез; тут математика трактуется по А. Пуанкаре — как «искусство заменять идеи вычислениями»). Другой же облик — *заимствование основополагающих принципов* у этих самых «других» наук, включение интересующей нас области в широкий контекст складывающейся единой системы естественнонаучного и гуманитарного знания.

Разумеется, подавляющее большинство междисциплинарных исследований, появляющихся в этой достаточно традиционной области, связано все же с *традиционными* психологическими и/или искусствоведческими *концепциями*, хотя порой существенно «модернизированными» за счет связей с методами естественных и точных наук, но главным

образом благодаря использованию надлежащего инструментария прикладной математики (математической статистики). Впрочем, это уже становится привычным для многих дисциплин гуманитарной сферы (однако, увы, не для исследований, посвященных художественному творчеству). Тем не менее новым является то, что некоторые из подобных вроде бы почти традиционных исследований оказались бы невозможными без соответствующего *математического обеспечения*.

Пожалуй, наиболее ярким примером таких «модернизированных» (хотя отчасти и традиционных) исследований стали работы Р. Хогенрада (Католический университет г. Лувена, Бельгия), посвященные компьютерному *контент-анализу* текстов, как художественных, так и политических. Благодаря применению так называемого «регрессивно-образного словаря» (RID — Regressive Imagery Dictionary создан К. Мартиндейлом в 1975 г., а теперь уже разработан для пяти европейских языков) стало возможным за считанные секунды измерять соотношение между «конкретно-чувственным» и «символическим» компонентами любого текста, равно как и динамику этого соотношения, если текст обладает достаточной протяженностью («Божественная комедия» Данте, «Война и мир» Л. Толстого и др.). Более того, имеется положительный опыт применения такого инструментария (в сочетании с теорией мотивации Д. Макклелланда) при анализе материалов текущей периодической печати — для прогнозирования рисков военных конфликтов. В частности, ввод войск США в

Ирак (2003) был предсказан с точностью до нескольких дней.

Междисциплинарный анализ процессов, в которых формируется творческая личность, проводится исследователями в Пермском государственном институте искусства и культуры. Е. Малянов предпринял интересную попытку интеграции различных методологических подходов к творчеству — от синергетического до программно-проектного. Примерами междисциплинарных исследований с эффективным использованием количественных методов являются работы школы Л. Дорфмана, посвященные «метаиндивидуальному миру» личности (подробнее см.: Дорфман, 2004; Дорфман, Малянов и Березина, 2004). Этот мир представляется состоящим из *четырех областей*, взаимодействующих друг с другом и находящихся под управлением латентных факторов: «Авторство» (в оппозиции к Другому), «Обладание» (Другим), «Принятие» (Другого) и «Зависимость» (от Другого). Латентные факторы, в свою очередь, формируются во взаимодействиях с различными видами деятельности, включая контакты с разными видами искусства. Складывающаяся в результате всех этих процессов сложную систему невозможно изучать без применения специальных методов статистического анализа. Здесь нельзя не упомянуть измерения «личностных потенциалов», характеризующих освоение различных видов искусства (эти измерения базируются на концепции «неполного знания» и гиперболических ранговых распределениях). В целом модель метаиндивидуального мира личности следует, несомненно, отнести к числу наиболее

перспективных направлений не только в психологии, но и во всем комплексе наук о человеке.

О многообразии развиваемых междисциплинарных подходов можно судить хотя бы по тематике некоторых докладов. Тут и работа Ю. Бабаевой, О. Митиной и С. Яголковского (МГУ им. М.В. Ломоносова) о «структурном моделировании» — новой мощной технике многомерного анализа, использованной при изучении процесса совместного творчества (в качестве методического инструментария выступал модифицированный вариант разработанного Дж. Гилфордом вербального теста творческого мышления). Тут и историко-теоретическое исследование Ф. Мунца (Карл-Францес Университет, г. Грац, Австрия) посвященное эмпирическим основаниям «гештальтной концепции красоты» Кристиана фон Эренфельса (развивавшего теорию «элементов» Э. Маха). Тут и исследования Р. Вебера, Б. Вольтер и Т. Якобсена (Дрезденский и Лейпцигский университеты, Германия) по восприятию архитектурной структуры городского пространства и т. д.

Во многих работах математико-статистический инструментарий используется для «визуализации» результатов психологических (либо социально-психологических) экспериментов. Так, В. Петренко (МГУ им. М.В. Ломоносова) «вытаскивает на свет» те обобщения (категории), которыми неосознанно пользуются испытуемые в своей деятельности. Системы этих категорий при геометрическом представлении *семантических пространств* выступают как некие «оси», а анализируемые объекты (например, произведения искус-

ства) — как «координатные точки» внутри этих семантических пространств. Такой подход показал свою продуктивность не только в исследованиях по психологии искусства (где он применяется уже давно; см., например: Лотман и Петров, 1972), но и при анализе гораздо более широкого круга проблем вплоть до политической психологии (Петренко, 1997). Тем не менее совершенно не очевидно, что получаемые семантические пространства являются реальностью, существенной для субъекта (его «картиной мира»); об альтернативе этому подходу речь пойдет ниже.

Много работ было посвящено *педагогическим проблемам* — от анализа детской одаренности и способностей учителей начальной школы (Б. Вяткин, Пермский гос. педагогический университет) до разработки методов развития творческого восприятия и воображения у детей (О. Блох и Е. Пономарева, Московский гос. университет культуры и искусств).

Отдельно следовало бы остановиться на использовании современной аппаратуры при анализе процессов творчества и его результатов — явлений искусства. Так, в работах О. Разумниковой (НИИ физиологии, Новосибирск) использовалось сочетание *электроэнцефалографических исследований* и психологических тестов при изучении творческого процесса. Т. Князева (Институт психологии РАН, Москва) поставила задачу найти наборы параметров ЭЭГ, выявляющие креативность, и обнаружила для некоторых из них высокие корреляции в уравнениях множественной регрессии для индивидуального прогноза показателей «Продуктивность», «Гибкость»

и «Оригинальность». Д. Мьяль (Университет шт. Альберта, г. Эдмонтон, Канада) посвятил свое исследование *нейропсихологическим индикаторам* литературного восприятия — своеобразной «нейропсихологической архитектуре», которая обслуживает процесс чтения. К. Сапожникова, Р. Тайманов и В. Элькин (ВНИИ метрологии им. Д.И. Менделеева, Санкт-Петербург) изучали эмоциональные реакции, порождаемые *восприятием различных цветов в сочетании с музыкальными звуками*. Р. Цур (Университет Тель-Авива, Израиль) исследовал осциллограммы, отражающие *звучание поэтических произведений* в исполнении известных актеров (чтецов). Аналогичные осциллографические исследования *характеристик вибрато* в академическом пении провел А. Харуто (Московская государственная консерватория им. П.И. Чайковского).

Что касается междисциплинарных исследований, тяготеющих к *естественным и точным наукам*, то применительно к художественному творчеству они еще только начинают свой путь, а точнее, свои пути (ибо таковых много, и все они, как правило, совершенно разные). Однако даже на начальной стадии некоторые из этих путей уже демонстрируют свою продуктивность. Проблеме плодотворности *«гибридизации»* естественных наук и комплекса наук об искусстве посвятил свое исследование В. Кошкин (Харьковский политехнический университет, Украина).

Разнообразие этих подходов, пожалуй, столь же велико, как и много-

образии мира естественных и точных наук. Так, К. Мартиндейл (Университет штата Мэн, США) предлагает *«волновую» модель инноваций* и их распространения, основанную на аналогии с продольными и поперечными волнами в физике (т. е. акустическими и электромагнитными колебаниями, с феноменом поляризации и т. п.). Дж. Кэрролл (Миссурийский университет, г. Сент-Луис, США) обращается к *«адаптивной функции»* художественной литературы. Эту функцию он трактует в свете *дарвиновской модели* естественного отбора. (Впрочем, такого рода «биологоцентристские» построения все чаще встречаются в работах по эволюции художественной культуры.) И к еще более конкретным биологическим «материям» — *генам, обуславливающим «новационно-поисковую» активность*, — обращается С. Швейцер (Свободный университет Амстердама, Голландия). Она, по сути дела, продолжает «генетический анализ» Г. Айзенка (развивавшийся им в последних работах; см., например: Eysenck, 1995), но в сопряжении с идеями и эмпирическими данными К. Мартиндейла, относящимися к *«потенциалу возбуждения»* (arousal potential), который несут в себе произведения искусства (Martindale, 1990). На несколько иных позициях стоит Х. Ледер (Венский университет, Австрия), анализирующий *информационные процессы*, которые протекают на различных уровнях психической деятельности при восприятии произведений искусства, например стилевых характеристик живописи.

Комплексные исследования, основанные на *теоретико-информационном подходе*, уже давно проводятся в

Государственном институте искусствознания (Москва). Более двадцати лет назад Г. Голицын совместно с автором этих строк предложил «*принцип максимума информации*», развитию которого был посвящен пленарный доклад на конгрессе. Этот принцип имеет достаточно общий характер и приложим к системам самой различной природы; его сущность заключается в стремлении любой системы достичь максимальной адаптации к окружающей среде (увеличивая так называемую «взаимную информацию» между системой и средой; см.: Фано, 1965; подробнее об этом принципе в приложении к наукам о человеке см.: Голицын, 1997; Голицын и Петров, 1991, 2005; Golitsyn & Petrov, 1995). Приложение этого подхода к процессам *восприятия* позволяет теоретически дедуцировать разнообразные *приемы*, используемые искусством (и подтвердить эмпирически соответствующие параметры этих приемов). А в сфере *творчества* удается дедуцировать (и также подтвердить эмпирически) основные законы *эволюции искусства*, включая его *периодическую стилевую изменчивость* (с 50-летними циклами), обусловленную попеременным преобладанием «аналитических» либо «синтетических» информационных процессов (или лево- либо правополушарного доминирования; см.: Маслов, 1983; Лотман и Николаенко, 1983; Петров, 2004; Petrov, 2001).

В рамках того же подхода Л. Мажуль разработала *модель «ветвления»* системы видов и жанров искусства в эпоху модернизма и постмодернизма, а также совокупность количественных оценок *роли личных*

творческих инноваций в эволюции искусства, равно как и всей *социально-психологической сферы*. Наконец, П. Куличкин, исходя из теоретико-информационной модели изменчивости художественной жизни, количественно измерил ее «*интенсивность*» на материале русского, французского, итальянского, австрийского и немецкого искусства, главным образом *музыки и живописи XV–XX вв.* На базе этих измерений ему удалось получить социально-психологические закономерности, объясняющие появление «*эволюционных гениев*» — творческих личностей, коренным образом преобразующих художественную жизнь национальной культуры. Аналогичные результаты были получены Т. Коваленко (Краснодарский государственный университет культуры и искусств), который изучал изменчивость *интенсивности театральной жизни* России на протяжении XVIII–XX вв.

Заметим, что теоретико-информационный подход включает в себе, среди прочих выводов, *альтернативу семантическим пространствам* как реальности, существенной для субъекта (его «картины мира», см. выше). Ведь вовсе не обязательно эта реальность должна быть образно-чувственной; она вполне может заключаться в «абстрактных» нейронных связях, притом даже между весьма топологически отдаленными нейронами (соответствующие «нейронные модели», правда, имеющие пока в основном гипотетический, метафорический характер, сейчас разрабатываются), так что ни о каком «пространстве» говорить не приходится. (Это становится особенно существенным в ситуациях речевой

коммуникации, а здесь, к сожалению, многие исследователи еще придерживаются «пространственных» взглядов, восходящих к «глубинным структурам» Н. Хомского.) В общем виде теоретико-информационный подход имеет дело с формированием некоей корреляционной «сети связей», которая может функционировать независимо от образно-чувственной реальности («картины мира»), хотя иногда и может быть связана с таковой, что было подтверждено несколькими экспериментами. Целый ряд иных нетривиальных выводов, полученных в рамках данного подхода (и относящихся как к психологии, так и ко всему комплексу наук о человеке), несомненно, найдет свою «стыковку» с результатами исследований, носящих более традиционный характер.

Разумеется, междисциплинарными исследованиями отнюдь не исчерпывался весь спектр докладов на конгрессе в Перми; было много интересного и полезного и в докладах, следующих по традиционному руслу. Равным образом и на последовавшем вскоре Международном симпозиуме по эмпирической эстетике (Тайвань, октябрь 2005 г.) лишь часть докладов имела междисциплинарный характер (см.: Chen & Liang, 2005). Но в этой части звучали примерно те же мотивы, что и в Перми (хотя состав участников был иным — в основном за счет представительства исследователей из дальневосточного и тихоокеанского регионов).

Возникает резонный вопрос: не приближается ли пора «кристалли-

зации» междисциплинарных исследований — прихода некоей новой, *единой парадигмы*? В таковой, как свидетельствует методологический науковедческий анализ (см., например: Петров, 1999), сейчас остро нуждаются все науки о человеке. Они нуждаются в этом объективно, хотя сами представители этих наук зачастую не ощущают потребности ни в единой парадигме, ни вообще в смене действующей парадигмы. В настоящее время науки о человеке находятся в стадии «цветущей сложности» (если воспользоваться термином К. Леонтьева), которая напоминает закатную эру средневековой алхимии: сосуществование самых разных парадигм с очень малыми шансами каждой из них на реальный успех. И подобно тому, как в алхимии эта стадия в конце концов сменилась в начале XVIII в. научной химической парадигмой, основанной на элементах (и эта парадигма успешно функционирует до сих пор), можно надеяться на предстоящий в ближайшем будущем переход большинства наук о человеке к новой, единой парадигме, общей для всех естественных наук. Разумеется, при этом каждая из наук сможет сохранить свои специфические, особые черты, однако при общности некоего «ядра» — «корневой парадигмы». Подобное «единообразие» (хотя и могущее напомнить скептикам о проекте «введения единомыслия в России», по К. Пруткову) помогло бы устранить или, по крайней мере, ослабить то противостояние «двух культур», о котором говорил Ч.П. Сноу.

В качестве наиболее реального «претендента» на роль ядра этой корневой парадигмы следует назвать

теоретико-информационный подход в уже упоминавшейся его новой версии, основанной на «принципе максимума информации». Ранние версии информационного подхода к наукам о человеке (см., например: Моль, 1966) могли лишь временно дискредитировать его основную идею. Почему эти попытки оказались неудачными? Главная причина состояла в ограниченности исходных положений, которые сводили взаимодей-

ствие человека со средой к простой передаче сведений по информационному каналу. Есть серьезные основания полагать, что данный подход окажется способным не только привести к интересным и важным результатам в области психологии искусства, но и способствовать интеграции всей системы современного научного знания. И в эту сторону обращены оба проанализированных нами «лика» междисциплинарных исследований.

Литература

- Голицын Г.А. Информация и творчество: на пути к интегральной культуре. М.: Русский мир, 1997.
- Голицын Г.А., Петров В.М. Информация — поведение — творчество. М.: Наука, 1991.
- Голицын Г.А., Петров В.М. Социальная и культурная динамика: долговременные тенденции (информационный подход). М.: Комкнига, 2005.
- Интегральная индивидуальность, Я-концепция, личность / Под ред. Л.Я. Дорфмана. М.: Смысл, 2004.
- Метаиндивидуальный мир и полимодальное Я: креативность, искусство, этнос / Под ред. Л.Я. Дорфмана, Е.А. Малянова, Е.М. Березиной. Пермь: Пермский гос. институт искусства и культуры, 2004.
- Лотман Ю.М., Николаенко Н.Н. «Золотое сечение» и проблемы внутримозгового диалога // Декоративное искусство СССР. 1983. № 9. С. 31–34.
- Семиотика и искусствометрия (современные зарубежные исследования) / Под ред. Ю.М. Лотмана, В.М. Петрова. М.: Мир, 1972.
- Личность, креативность, искусство / Под ред. Е. Малянова, Н. Захарова, Е. Березиной, К. Мартиндейла. Пермь: Пермский гос. институт искусства и культуры; Прикамский социальный институт, 2002.
- Материалы Международного конгресса по креативности и психологии искусства / Под ред. Е. Малянова, К. Мартиндейла, Е. Березиной, Л. Дорфмана, Д. Леонтьева, В. Петрова, П. Лочера. Пермь: Пермский государственный институт искусства и культуры, 2005.
- Маслов С.Ю. Асимметрия познавательных механизмов и ее следствия // Семиотика и информатика. 1983. Вып. 20. С. 3–31.
- Моль А. Теория информации и эстетическое восприятие. М.: Мир, 1966.
- Петренко В.Ф. Основы психосемантики. Смоленск: Изд-во Смоленского гуманитарного университета, 1997.
- Петров В.М. Научное мировоззрение XXI века // Вестник Российского фонда фундаментальных исследований. 1999. № 2 (16). С. 62–70.

Петров В.М. Субкультура российского андеграунда 1960–1980-х: системные черты // Художественная жизнь России 1970-х годов как системное целое / Под ред. Н.М. Зоркой. СПб: Алетейя, 2001. С. 264–297.

Петров В.М. Количественные методы в искусствоведении: Учеб. пособие для высшей школы. М.: Академический проект, 2004.

Сноу Ч.П. Две культуры. М.: Прогресс, 1973.

Фано Р. Передача информации. Статистическая теория связи. М.: Мир, 1965.

Emotion, Creativity, and Art. Vol. 1–2 / L. Dorfman, C. Martindale, D. Leontiev, G. Cupchik, V. Petrov, P. Machotka (eds.). Perm: Perm State Institute of Arts and Culture, 1997.

Chen J.C.H., Liang K.C. Proceedings of 2005 International Symposium on Empirical Aesthetics: Culture, Arts, and Education. Taipei (Taiwan): National Taiwan Normal University, 2005.

Eysenck H.J. Genius. The Natural History of Creativity. N.Y.; Melbourne: Cambridge University Press, 1995.

Golitsyn G.A., Petrov V.M. Information and Creation: Integrating the «Two Cultures». Basel; Boston; Berlin: Birkhauser Verlag, 1995.

New Directions in Aesthetics, Creativity, and the Arts / P. Locher, C. Martindale, L. Dorfman (eds.). Amityville (N.Y.): Baywood Publishing Co., 2005.

Martindale C. The Clockwork Muse: The Predictability of Artistic Change. N.Y.: Basic Books, 1990.

Martindale C., Locher P., Petrov V. Evolutionary and Neurocognitive Approaches to Aesthetics, Creativity, and the Arts. Amityville (N.Y.): Baywood Publishing Co., 2005.

Petrov V.M. Creativity in art: Stylistic waves and monotonous evolutionary trends (Information approach) // Bulletin of Psychology and the Arts. 2001. Vol. 2. № 1. P. 30–33.

Петров Владимир Михайлович, Государственный институт искусствоведения, доктор философских наук, профессор

Контакты: vmpetr@vmpetr.msk.ru